

Несмотря на то, что в западной части поселения культурный слой сохранился лучше, но, как показала шурфовка, он практически лишен находок и, вследствие этого, было решено провести исследования в восточной части, где отмечалась высокая концентрация подъемного материала. Основной раскоп площадью 252 квадратных метра был разбит в юго-восточной части селища. Впоследствии к его северо-западному углу был прирезан еще один участок площадью 44 м². Тем самым общая площадь раскопа была доведена до 296 м².

Остатки культурного слоя на изучаемой части поселения представляли собой однородный светло-серый песок мощностью от 0,1 до 0,35 м. Ниже залегал материк в виде желтого песка. Культурный слой оказался бедным на находки. Он содержал преимущественно об-

Рис. 1. Остров, уроч. Марфинец. Горшок из жилища 3
 Abb. 1. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfiniec. Gefäß aus der Hütte 3

ломки глиняной посуды (в пределах раскопа обнаружено около 1000 фрагментов), расщепленные кремни, шлаки и редкие индивидуальные находки. Большая часть находок приходилась на три жилых постройки и ряд материковых ям различного назначения.

Жилище 1 выявлено в южной части раскопа при подчистке материка. Оно имело форму, близкую к прямоугольной, и было ориентировано по линии северо-запад — юго-восток (табл. I). Размеры постройки составляли $3,1 \times 2,5$ м. Основание жилища было впущено в материковую почву на 0,15 м. Стенки углубления — покатые. Заполнение жилища представляло собой серый культурный слой с примесью мелких углей. Пол — ровный. В северо-восточном углу постройки размещался очаг, сложенный из кусков железного шлака и крупного обломка необработанного кремня. Очаг, по-видимому, имел овальную форму размерами $0,8 \times 0,5$ м. Столбовые ямы вокруг жилища не прослеживались, что свидетельствует о срубной конструкции стен. В заполнении постройки обнаружены крупные фрагменты двух груболепных горшков, находившихся в пределах очага, и одиннадцать более мелких обломков от различных сосудов. Один из горшков реконструируется полностью (Табл. II: 1). Он имел невысокий вертикально поставленный венчик, слабо выраженную шейку, переходящую в высокое плечико и округлое тулово, сужающееся к днищу. Поверхность горшка — бугристая от выступающих примесей дресвы. Обжиг — неравномерный. Цветовая гамма наружной поверхности сосуда варьирует от красно-коричневой до темно-коричневой, почти черной. Размеры горшка: диаметр устья — 18,5 см, высота — 26 см, диаметр дна — 7,5 см, толщина стенок — 0,7 см, днища — 0,9 см. Максимальное расширение у него приходится на верхнюю треть высоты. Близкие аналогии этому горшку можно найти в раннеславянской керамике. Так, в частности, по своей форме и пропорциям он находит точное соответствие среди горшков I типа (вид Д, вариант 2) пражской культуры (Русанова 1976, рис. 6: 9, 10) и горшков второго типа раннеславянской культуры на территории Польши (Parczewski 1988, гус. 4: f).

От второго горшка уцелел лишь крупный фрагмент верхней части (табл. II: 4). Это был слабопрофилированный горшок с невысоким, прямо поставленным венчиком, едва намеченной шейкой, переходящей в низко опущенное плечико. Поверхность сосуда заглажена. В качестве отошающей примеси в тесте использовалась дресва. Обжиг горшка — неравномерный. Цвет лицевой поверхности варьирует от коричневого до черного. На уровне шейки найденного фрагмента имелось сквозное отверстие, по-видимому, представлявшее собой следы ремонта горшка. Определимые размеры сосуда составляли: диаметр по срезу венчика — 18 см, толщина стенок — 0,7 см. Горшки подобной формы ближе всего стоят к I типу, варианту В по типологии

И. П. Русановой, либо к типу 5.1 по М. Парчевскому (Русанова 1976, рис. 6: 5, 6; Parczewski 1988, рис. 7: 5.1a).

Индивидуальные находки, найденные в заполнении жилища 1, характеризуются фрагментами глиняного пряслица и железного ножа. Первая находка представляла собой уплотненный кружок диаметром 2 см и высотой 1,3 см. Диаметр отверстия составлял 1 см (табл. II: 2). Как известно, пряслица подобного типа встречаются в целом ряде культур, однако для раннеславянских памятников они мало характерны. Обломок ножа имел прямую спинку и лезвие, плавно переходящее в черешок (табл. II: 3).

Жилище 2 обнаружено в 5,6 м севернее постройки 1 (табл. I). Оно выделялось на фоне материковой поверхности интенсивно черным пятном. Жилище имело четырехугольную форму и было ориентировано сторонами по линии северо-восток — юго-запад. Его размеры составляли: 3,2 × 2,8 м. Северо-западный угол постройки не сохранился — он уничтожен траншеей военных лет. По центру восточной стены в процессе расчистки была обнаружена столбовая яма диаметром 0,3 м и глубиной 0,4 м. Возможно, это следы одного из двух столбов, поддерживавших двускатную крышу. Остатки второго не выявлены, он мог попасть в разрушенную часть жилища. Пол постройки неровный. В отдельных местах он был заглублен в материковую почву всего лишь на 0,1 м, в других — выходил на уровень материковой поверхности. В северо-западной части жилища выявлены остатки очага, также сложенного из кусков железного шлака. Вещевой комплекс этой постройки представлен более чем 100 фрагментами груболепных и 5 фрагментами лощеных сосудов, однако связь всех этих находок именно с жилищем не бесспорна в силу незначительной углубленности его в материк. К сожалению, характеристика керамического комплекса затруднена, поскольку из общего числа фрагментов только один принадлежал небольшому обломку венчика от слабопрофилированного сосуда и еще два — небольшим обломкам днищ. В пределах жилища помимо керамики также найдены одно целое и одно фрагментированное пряслица. Они оба имели биконическую форму (Табл. VI: 2, 3) и находят полное соответствие среди раннеславянских находок (Русанова 1973, табл. 33: 2, 5; Тимошук, Русанова 1984, рис. 16: 2, 7 « Баран 1988, рис. 10: 1—4; Parczewski 1988, tabl. XXIII: 9; XLVI: 1).

Жилище 3 было выявлено примерно в 9 м северо-западнее жилища 2. Уже на уровне дневной поверхности оно выделялось интенсивно черным пятном. После расчистки оказалось, что эта постройка имела прямоугольную форму, размеры которой составляли: 3,6 × 3,4 м (табл. I). Она была ориентирована своими сторонами по линии северо-запад — юго-восток. Пол постройки имел неодинаковое углубление в материк. Если северо-восточная его часть была опущена в

материковую почву на 0,25 м, то противоположная — всего лишь на 0,05 м. Постройка не имела ни внутри, ни за его пределами столбовых ям, вследствие чего ее конструкция скорее всего была срубной. В северо-восточном углу жилища, в углублении, сделанном в полу, расчищен очаг, выложенный из кусков железного шлака и обломков глиняной посуды. Очаг имел овальную форму, его размеры составляли 0,9 × 0,7 м. Здесь же, в очаге, был расчищен развал крупного слабопрофилированного горшка, который удалось полностью восстановить, и большие фрагменты верхних частей и днищ еще нескольких горшков.

Целый горшок имел невысокий, вертикально поставленный венчик, едва выделенную шейку, переходящую в округлое тулово. Максимальное расширение у него приходится на середину высоты сосуда (Табл. III: 3. Рис. 1). Размеры сосуда составляют: высота — 33,5 см, диаметр по срезу венчика — 24,5 см, диаметр днища — 15,5 см. Толщина его стенок — 0,8—1,1 см, днища — 2 см. Горшок вылеплен из глины с примесью крупных зерен дресвы. Поверхность — бугристая, покрыта слабой вертикальной и диагональной штриховкой, образовавшейся в результате заглаживания. Обжиг неравномерный. Цвет поверхности от светло-коричневого до темно-коричневого, почти черного. Округлобокие горшки с максимальным расширением корпуса на середине высоты и сходной профилировкой венчика являются достаточно редкой формой, но тем не менее встречаются в ряде культур третьей четверти I тыс. н.э. (Русанова 1976, рис. 31: 1; Этнокультурная карта ... 1985, 96, рис. 17: 6).

Еще два крупных фрагмента от разных горшков, по-видимому, принадлежат к одному и тому же типу. Они имели короткий до 1 см венчик, слабо выраженную шейку, переходящую в округлое тулово. В отличие от целого горшка, у них максимальное расширение приходилось не на середину, а на верхнюю треть высоты. Один из этих фрагментов имел несколько сквозных отверстий диаметром 0,7 см, расположенных чуть ниже шейки (Табл. III: 2). Его диаметр по срезу венчика достигал 21 см, а толщина стенок — 1 см. Поверхность этого горшка — бугристая от выступающих зерен дресвы и покрыта неглубокой беспорядочной штриховкой от заглаживания. Второй фрагмент (Табл. III: 1), повторяя форму первого, имел и определенные отличия. Так, например, он сделан более тщательно. Его поверхность заглажена, стенки тоньше. Их толщина не превышает 0,7 см. Диаметр по срезу венчика этого горшка достигал 27 см. По-видимому, рассмотренные выше горшки относятся к второму варианту вида В по классификации И. П. Русановой (1976, рис. 6: 5, 6). Это достаточно распространенная форма сосудов, которая находит аналогии на многих раннеславянских памятниках (Русанова 1973, табл. 1: 12; 7: 1, 4; 8: 17; 9: 20; Этнокультурная карта ... 1985, 89,

рис. 16: 11; Винокур, Приходнюк 1974, 234, рис. 3: 1; Pańczewski 1988, tabl. XIV: 1; XXXIV: 2).

Завершая характеристику керамического комплекса, обнаруженного в очаге жилища 3, необходимо отметить и 5 дниц различных горшков. Три дница имели небольшой уступ с внешней стороны дница (табл. III: 7, 10, 11). Еще два характеризуются тем, что у них линия перехода стенки в днице была прямой, без выступа (табл. III: 8, 9). Диаметры дниц колебались в пределах от 6,5 до 9,5 см, толщина — от 0,9 до 1,4 см.

В заполнении постройки, за пределами очага, обнаружено еще свыше 130 фрагментов глиняной посуды, в основном, от стенок. Ряд этих обломков имел достаточно выразительную штриховку внешней поверхности. Штрихи, ветрикальные и диагональные, наносились бессистемно. Еще один фрагмент имел на плечике неглубокие вертикальные зацепы.

Что касается индивидуальных находок, то в жилище 3 их обнаружено 4 экземпляра, причем, в отличие от вещей первых двух построек, они позволяют достаточно точно датировать этот комплекс. Две находки, фрагмент стеклянной бусины и наконечник железного дротика, были обнаружены еще до начала раскопок на поверхности, но в пределах черного пятна, оконтурившего постройку. Бусина имела боченкообразную форму и была изготовлена из синего глухого стекла. На ее поверхности имелся глазок, у которого центральный диск сделан из прозрачного бесцветного стекла с подложенной под него золотой фольгой. Сам диск был оконтурен черным, желтым и красным концентрическими кругами. По классификации Е. М. Алексеевой, эта находка ближе всего стоит к варианту в 55 типа, который датирован ею I—II вв. н.э. (1975, 65, табл. 16: 18).

Железный втульчатый наконечник дротика имел удлиненно-ромбическую форму пера, сечение которого также было ромбовидным (табл. III: 6). Конец втулки немного обломан. Длина наконечника — 11 см. Соотношение длины пера к длине втулки составляет 1,7 : 1. Точные аналогии этой находке не известны, однако нельзя исключать возможности отнесения дротика к второй половине IV — первой половине V в. н.э. Подобное предположение основывается на том, что такие же небольшие наконечники, но с более широкими сторонами пера, появляются и бытуют в фазе D пшеворской культуры (Godłowski 1977, 65, tabl. LXVIII: 5, 7).

Как видно, эти две находки хронологически не стыкуются между собой, что может быть объяснено случайным попаданием по крайней мере одной из них в пределы жилища. Скорей всего случайно попала в этот комплекс бусина, поскольку датировка дротика подкрепляется находкой еще одной бусины, найденной в нижней части заполнения жилища. Она была сделана из темно-синего глухого стекла и имела

четырнадцатигранную форму (табл. III: 4). По классификации Е. М. Алексеевой, эта бусина относится к типу 135 и датируется в Северном Причерноморье II—IV вв. н.э. (1978, 70, табл. 33: 41). Близкую дату предлагает и Т. Ставрякская для 14-гранных бусин, обнаруженных в западнобалтийской культуре на территории Польши. Время их бытования она определяет III—IV вв. н.э. (1974, 206). Наконец, по мнению М. Темпельманн-Мачинской, синие 14-гранные бусины появляются в Центральной Европе в фазе B_2 — C_1 , пик их приходится на фазу C_2 , и исчезновение — в фазе D (1985, tabl. 8). Таким образом, находки в жилище 3 железного дротика и 14-гранной бусины позволяют отнести этот комплекс ко времени не позднее фазы D. Еще одна находка, обломок крупного усеченно-биконического пряслица (табл. III: 5) датировку жилища 3 не корректирует.

Помимо жилищ при зачистке материка выявлено достаточно большое количество ям. Если не считать остатков блиндажа и траншеи периода мировой войны, значительная часть их концентрировалась в восточной части раскопа (табл. I). Ямы имели круглую, овальную или близкую к ним формы. Их длина в поперечнике колебалась от 0,65 до 1,4 м. Глубина — 0,15—0,2 м. По-видимому, большая часть ям принадлежит к числу хозяйственных, а неглубокое залегание в материке объясняется ветровой эрозией, уничтожившей практически весь культурный слой, который они прорезали. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из ям примыкают к жилищам, образуя с ними, вероятно, единый комплекс. Так, с жилищем 1 можно связать яму № 11, расположенную всего лишь в 0,2 м от его юго-западной стены. Она имела круглую в плане форму диаметром 1 м и глубиной 0,2 м. Сечение ямы — чашеобразное. В ее заполнении обнаружено несколько фрагментов лепных сосудов. У жилища 2 хозяйственная яма располагалась в 0,7 м южнее него. Она также имела круглую в плане форму диаметром 0,85 м. Она прослеживалась вглубь материка на 0,15 м по серому заполнению, в котором также обнаружено несколько невыразительных обломков лепных сосудов. Рядом с постройкой 3 выявлены две ямы. Одна из них (№ 11) располагалась в 1 м северо-восточнее постройки и была вскрыта частично. Вторая размещалась на таком же удалении с юго-восточной стороны. Она имела круглую в плане форму диаметром 1,2 м и глубиной 0,1 м. В заполнении обеих ям обнаружено несколько лепных черепков.

Проведенные раскопки по своим масштабам невелики, однако они дают толчок к некоторым размышлениям. Так, например, обращает на себя внимание планировочная структура. В частности, достаточно выразительно прослеживается „гнездовое” расположение жилищ, когда они размещались, очевидно, компактной группой по кругу (табл. I). Рядом с жилищами находились одна — две хозяйственные ямы.

В то же время ряд ям, близких по своим размерам к хозяйственным, расположен достаточно кучно в восточной части раскопа. Близкая планировочная структура была прослежена В. Д. Бараном на раннеславянском поселении Рашков III, на котором жилые постройки располагались группами, чередуясь со скоплением хозяйственных ям, занимавших специально отведенные участки местности (1988, 16).

Что касается керамического комплекса за пределами жилищ, то он не столь выразителен. Большая часть фрагментов относилась к стенкам, поэтому их характеристика не приводится. Отмечу лишь несколько определенных обломков. Один из них принадлежал к верхней части горшка и по своему облику сопоставим с сосудом из жилища 1. У него вертикально поставленный короткий венчик, срезанный горизонтально (табл. IV: 2). Диаметр устья — 13 см. Стенки горшка — тонкие (0,5—0,7 см). Его поверхность заглажена. В тесте отмечена дресва. Близкие характеристики имеет еще один небольшой венчик (табл. V: 12).

Все остальные определенные фрагменты принадлежали зарубинецким сосудам. Среди них крупный обломок сильно профилированного горшка (табл. IV: 1). Он имел невысокий (2 см) венчик, отогнутый наружу, хорошо выделенную шейку, переходящую в сильно профилированное тулово. Верхняя часть горшка, включая шейку, тщательно заглажена. Нижняя — наоборот, специально ошершавлена. Горшок имел большие размеры. Его диаметр по срезу венчика достигал 40 см. Толщина стенок колебалась от 0,7 до 1,4 см. Внешняя поверхность горшка имела бежевый цвет. В тесте присутствовал шамот. По-видимому, его можно отнести к типу А по классификации К. В. Каспаровой (1987, 60, 62, рис. 8: 3). Ряд фрагментов сопоставим с типом В из селища Ремель (Каспарова 1987, рис. 10: 1—3). Они имели слабопрофилированную форму, венчики небольшие, отогнуты наружу (табл. V: 1—4). Край венчика у них скруглен, срезан или завернут наружу. В тесте также присутствует шамот. Единственный крупный фрагмент лощеной миски, найденной в раскопе, имеет отогнутый наружу венчик и плавно изогнутое тулово (табл. V: 6). По типологии Ю. В. Кухаренко, подобные экземпляры относятся к типу Б (1964, 27, табл. 6: 5—7). Еще несколько обломков принадлежали крышкам с тщательно заглаженной лицевой поверхностью (табл. V: 5, 8) и ушку сосуда (табл. V: 13).

Индивидуальные находки в раскопе единичны. Среди них концевой кремневый скребок, крупное плоское пряслице с узким отверстием (табл. VII: 1), две бронзовые пронизки, несколько неопределимых фрагментов бронзовых и железных предметов, а также две стеклянные бусины. Одна из них относится к числу ребристых золоченных (табл. IX: 2), которые Е. М. Алексеева относит к типу 10. По ее мнению, подобные бусины имели широкие хронологические

рамки: от III—II вв. до н.э. до II—III вв. н.э. (1978, 31, рис. 10, табл. 26: 43). Однако, судя по размерам (диаметр до 7 мм) такие экземпляры преобладали в римское время. В Центральной Европе ребристые золоченные бусины встречаются гораздо позднее, нежели в Причерноморье: в фазах C₁—D (Tempelmann-Mączyńska 1985, tabl. 8). Достаточно широкие рамки бытования имеют и вторая бусина, представляющая собой темно-синий бисер (табл. IX: 16). Как известно, в Центральной Европе время их активного хождения приходится на фазы B₂C₁—D (Tempelmann-Mączyńska 1985, tabl. 8). Остальные находки из раскопа не имеют узкой датировки.

Помимо работ на раскопе были заложены две траншеи в центральной части поселения, которая также подвержена ветровой эрозии, и в южной, задернованной. В первой траншее, разбитой в месте обнаружения на поверхности нескольких бронзовых пронизок, обнаружено их скопление (табл. VIII: 14). Во второй траншее находок не оказалось.

Наряду с раскопками вся территория селища неоднократно осматривалась, в результате чего собран значительный подъемный материал. Подавляющую часть находок составляла керамика. Большая ее часть относилась к зарубинецкой культуре, резко выделяющейся среди других обломков примесью шамота в тесте. По способу обработки поверхности она подразделяется на груболопную и лощеную. Первую группу представляют горшки (табл. VI: 1—3, 6—9), сопоставимые с типами Б, В поселения Ремель (Каспарова 1987, 62, 63, рис. 9; 10: 1—3). Некоторые из них имели насечку по краю венчика или защипы на плечике. Лощеная посуда, как и в раскопе, представлена, в основном, мисками варианта Б по типологии Ю. В. Кухаренко.

К числу других находок, которые можно с большой степенью достоверности увязать с зарубинецкой культурой, относятся несколько уплощенных глиняных пряслиц (табл. VII: 4—7), аналоги которым известны на селищах Полесья (Каспарова 1987, рис. 4: 1—3) и бронзовые трапециевидные подвески, декорированные различными комбинациями пунсона (табл. VIII: 4). Как известно, подобные украшения являются частой находкой на зарубинецких памятниках (Максимов 1982, табл. XXXIII: 20—22; Поболь 1971, рис. 68: 3, 4; Кухаренко 1964, табл. 17: 1—3). К этой же культуре, по-видимому, относится ряд стеклянных бусин: белая с синими глазками (табл. IX: 10), датированная Е. М. Алексеевой I в. до н.э. (1975, 66, табл. 14: 5); синяя глазчатая, у которой глазки выполнены из колец бирюзового стекла (табл. IX: 1); цилиндрическая бусина глухого черного стекла, обвитая белой спиралью (табл. IX: 8). Последняя находка имеет широкие хронологические рамки: III в. до н.э. — III в. н.э. (Алексеева 1978, 45, табл. 28: 25—27). Однако датировку нашей бусины можно сузить.

Она коррозирована, а по мнению Е. М. Алексеевой, этот признак характерен только для бус эпохи эллинизма. Наконец, еще одна бусина, сопоставимая с зарубинецким временем, сделана из глухого синего стекла. Она орнаментирована белыми, красными, желтыми и бирюзовыми кольцами, нанесенными елочкой (табл. IX: 3). Датируются подобные экземпляры в Северном Причерноморье II—I вв. до н.э. (Алексеева 1982, 39, табл. 49: 60, 61).

Керамика, сопоставимая с пражской, за пределами раскопа встречалась в очень ограниченном количестве (табл. VI: 12). Вместе с тем во время подъемных сборов удалось найти несколько вещей, имеющих относительно узкие датировки, и которые могут быть связаны только с носителями пражской культуры, поскольку керамики, а следовательно, и населения в промежутке от прекращения функционирования зарубинецкого поселения до появления здесь ранних славян не было зафиксировано.

К числу подобных находок в первую очередь относится спинка прогнутой подвязной фибулы (табл. VIII: 1) варианта 3 первой серии по классификации А. К. Амброза (1966, 64, табл. II: 12). Как считает этот исследователь, она характерна для IV в. н.э. Еще более узкую дату для черняховских фибул такого облика (серия БЗд) предложил Е. А. Гороховский. Он полагает, что эта серия появляется в IV фазе лесостепных могильников культуры, охватывающей вторую половину IV в. н.э., а исчезает в V фазе, датированной последней четвертью IV — первой третью V в. н.э. (1988, 44, 45). Не противоречат IV в. н.э. и находки близких подвязных фибул на территории Польши (Prahistoria ... 1981, tabl. XVII: 1, 11).

Представляет интерес среди подъемного материала и небольшая сегментовидная железная пряжка (табл. VII: 12). Точных аналогов ей не известно. По своей форме она ближе стоит к группе полукруглых пряжек, встречающихся в пшеворской культуре в фазе B₂ и в ранней фазе позднеримского периода (Madyda 1977, 409, tabl. III: 2). Однако по форме основания она приближается к более поздним пряжкам (Гороховский 1988, рис. 51, 62), хотя и не копирует их.

Наконец, среди находок позднеримского времени отметим ряд бусин: синие 14-гранные и бисер различных цветов (табл. IX: 6, 9, 11—15, 17, 18).

Исследования у д. Остров выявили материалы, в основном, двух культур: зарубинецкой и пражской, причем последние дали наиболее интересные результаты. До сих пор считалось, что время возникновения пражской культуры относится к V в. н.э. или даже к второй половине V в. н.э. (Археология ... 1986, 147; Русанова, Тимошук 1984, 40; Parczewski 1988, 106). Однако полученные в Острове материалы, на мой взгляд, позволяют достаточно аргументированно поставить вопрос о начале формирования культуры уже во второй

половине IV в. или не позднее начала V в. н.э. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует сочетание раннеславянской керамики с находками позднееримского времени, обнаруженными как в закрытом комплексе (жилище 3), так и за его пределами. Другим важным результатом раскопок в Острове является получение новых данных о домостроительстве ранних славян, в частности, обнаружение небольших, углубленных в землю срубных построек с очагами, выложенными из кусков железного шлака.

Библиография

- Алексеева Е. М.
 1975 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, Москва, вып. Г1—12.
 1978 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, Москва, вып. Г1—12.
 1982 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, Москва, вып. Г1—12.
- Амброз А. К.
 1966 *Фибулы юга европейской части СССР*, САИ, Москва, вып. Д1—30.
- Археология Украинской ССР*, Киев, 1986, т. 3.
- Баран В. Д.
 1972 *Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю*. Київ.
 1988а *Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков)*, Киев.
 1988б *Славянская деревня раннего средневековья (по материалам поселения V—VII вв. у с. Рашков)*, (в:) *Древности славян и Руси*, Москва, 12—18.
- Винокур И. С., Приходнюк О. М.
 1974 *Раннеславянское поселение на р. Смотрич*, (в:) *Раннесредневековые восточнославянские древности*, Ленинград, 227—241.
- Гороховский Е. Л.
 1988 *Хронология чернятовских могильников Лесостепной Украины*, (в:) *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов*, Киев, т. 4, 34—46.
- Исаенко В. Ф.
 1976 *Неолит Припятского Полесья*, Минск.
- Каспарова К. В.
 1963 *Отчет о полевых исследованиях*, архив отделов орхеологии Института истории АН БССР, Минск.
 1983 *Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье*, АСГЭ, 52—70.
- Кухаренко Ю. В.
 1964 *Зарубинецкая культура*, САИ, Москва, вып. Д1—19.
- Максимов Е. В.
 1982 *Зарубинецкая культура на территории УССР*, Киев.

- Поболь Л. Д.
1971 *Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры)*, Минск.
- Русанова И. П.
1973 *Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом*, САИ, Москва, вып. Е1—25.
1976 *Славянские древности VI—VII вв.* Москва.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А.
1984 *Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут*, Москва.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.*, Киев 1985.
- Godłowski K.
1977 *Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku, Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne IV*, Warszawa, 7—237.
- Madyda R.
1977 *Sprzączki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim, Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne IV*, Warszawa, 351—412.
- Parczewski M.
1988 *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*, Wrocław.
- Prahistoria ziem polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski.* Wrocław 1981.
- Stawiarska T.
1974 *Factoriki szklane z okresu wpływów rzymskich występujące w kulturze zachodniobałtyjskiej, Archeologia Polski XIX*, Warszawa, 177—233.
- Tempelmann-Maczyńska M.
1965 *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum, Römisch — Germanische Forschungen, Mainz am Rhein, Band 43.*

A. EGOREJČENKO

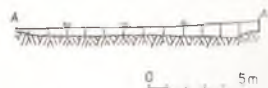
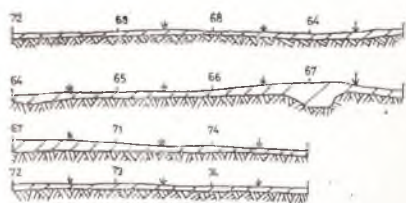
EINE SIEDLUNG BEIM DORF OSTROV, RAJ. PINSK, OBLAST BREST (WEISSRUSSLAND)

Zusammenfassung

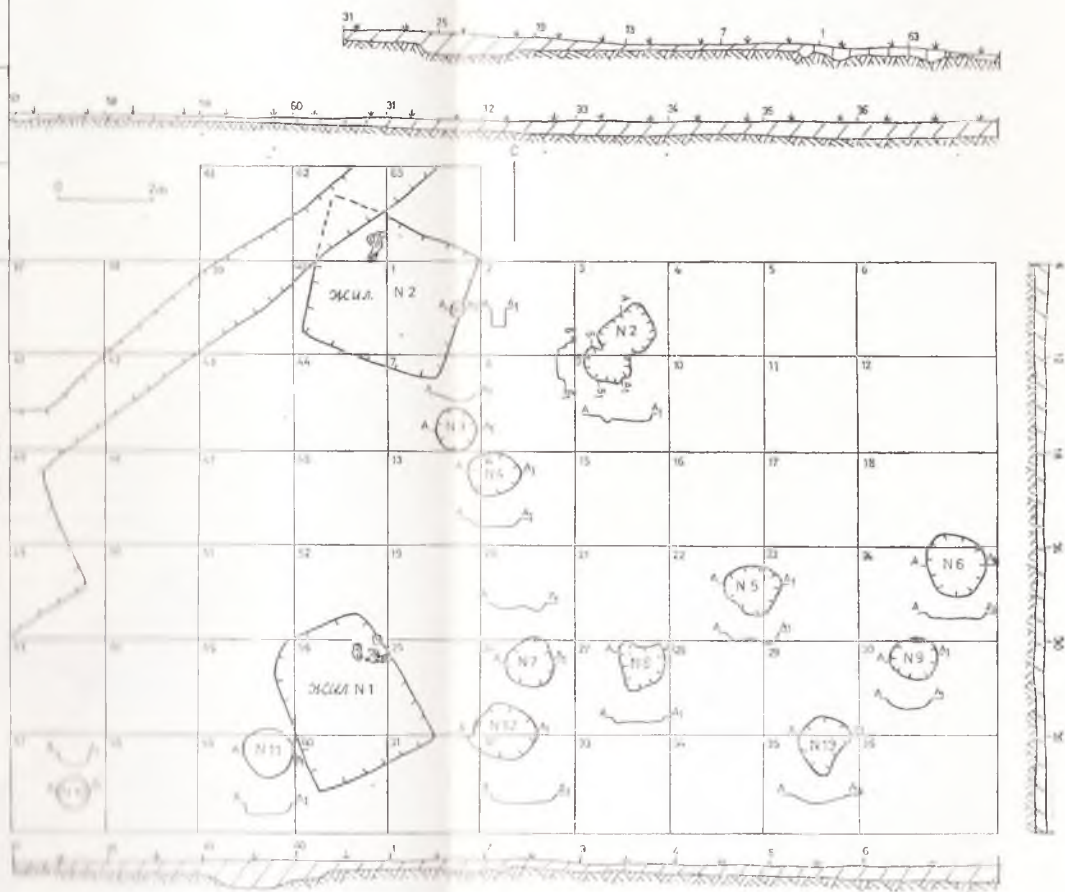
Die Siedlung liegt 1 km westlich des Dorfes, auf dem linken Ufer des Altwassers des Styr-Flusses, auf dem Fundplatz „Marfinec“. Sie wurde 1987 vom Autor entdeckt und erforscht. In dem Grabungsschnitt mit einer Fläche von 296 m² kamen drei Wohnhäuser und einundzehn Gruben zutage. Die Hütte 1 war eine Blockbaukonstruktion mit dem in den Boden eingetieften unteren Teil. Ihre Ausmasse: 3,1×2,5 m. In ihrer nordöstlichen Ecke befand sich eine mit Eisenschlackestücken ausgelegte Feuerstelle (Taf. I). In der Verfüllung der Grube wurden Fragmente von zwei frühslawischen Töpfen, Fragmente eines tönernen Spinnwirtels und eines Eisenmessers (Taf. II) gefunden. Die Hütte 2 lag nördlich des Gebäudes I. Sie hatte einen rechteckigen Grundriss; ihre Ausmasse: 3,2×2,8 m. Die Feuerstelle, ebenfalls mit Schlackenfragmenten ausgelegt,

befindet sich in der nordwestlichen Ecke der Hütte (Taf. I). In der Hütte wurden wenig charakteristische Fragmente von handgemachten Gefässen und zwei doppelkonische Spinnwirtel (Taf. VI: 2, 3) belegt. Die Hütte 3 befand sich nordwestlich des Wohngebäudes 2. Ihre Ausmase: 3,6×3,4 m. Die mit Schlacke und Gefässfragmenten ausgelegte Feuerstelle befand sich in der nordöstlichen Ecke des Gebäudes (Taf. I). In der Verfüllung wurden folgende Fundstücke belegt: Topffragmente, grosse Fragmente von zwei weiteren schwach profilierten Töpfen, 5 Böden, eine eiserne Pfeilspitze, eine 14-eckige blaue Glasperle sowie ein Fragment eines tönernen Spinnwirtels (Taf. III: 1). Nach dem Fundstoff zu urteilen, dürfte die Hütte in die späte Phase D der Völkerwanderungszeit zu datieren sein. Ausserhalb der Verfüllungen der Wohnhäuser wurden Fragmente der handgemachten frühslawischen (Taf. IV: 2) und der Zarubincy-Kultur zugehörigen Gefässe (Taf. IV: 1; V; VI: 1—4, 6—9, 11), unterschiedliche Erzeugnisse aus Ton, Eisen, Bronze und Glas (Taf. VII—IX) belegt.

Die Ausgrabungen beim Dorf Ostrov vermitteln neue Kenntnisse über die frühslawischen Wohnhäuser und Gegenstände und leisten einen wesentlichen Beitrag zu den Forschungen an den Anfängen der Herausbildung der Prager Kultur in der zweiten Hälfte des 4. und am Anfang des 5. Jh. n. Chr. bel.

- - 1
- - 2
- - 3
- - 4
- - 5
- - 6
- - 7

Табла 1. Сторон, уроч. Марфинец, План раскопа на поселении

Taf. I. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfiniec, Plan des Grabungsschnittes

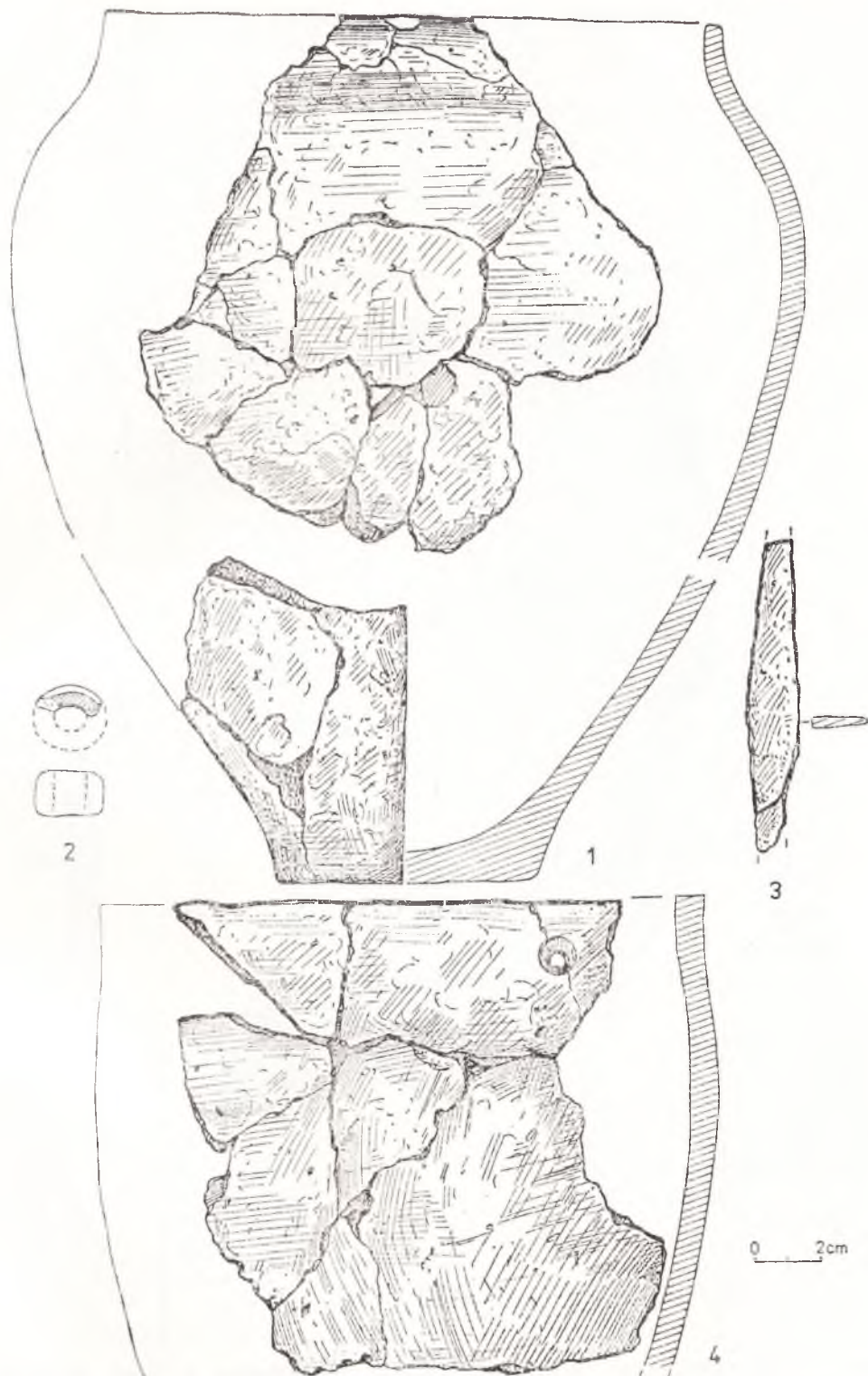

Табл. II. Остров. уроч. Марфинец. Находки из жилища 1. (1, 4 — горшки,
 2 — пряслице, 3 — нож)
 Taf. II. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfinec. Fundstücke aus der Hütte 1. 1, 4 — Gefäße,
 2 — Spinnwirtel, 3 — Messer

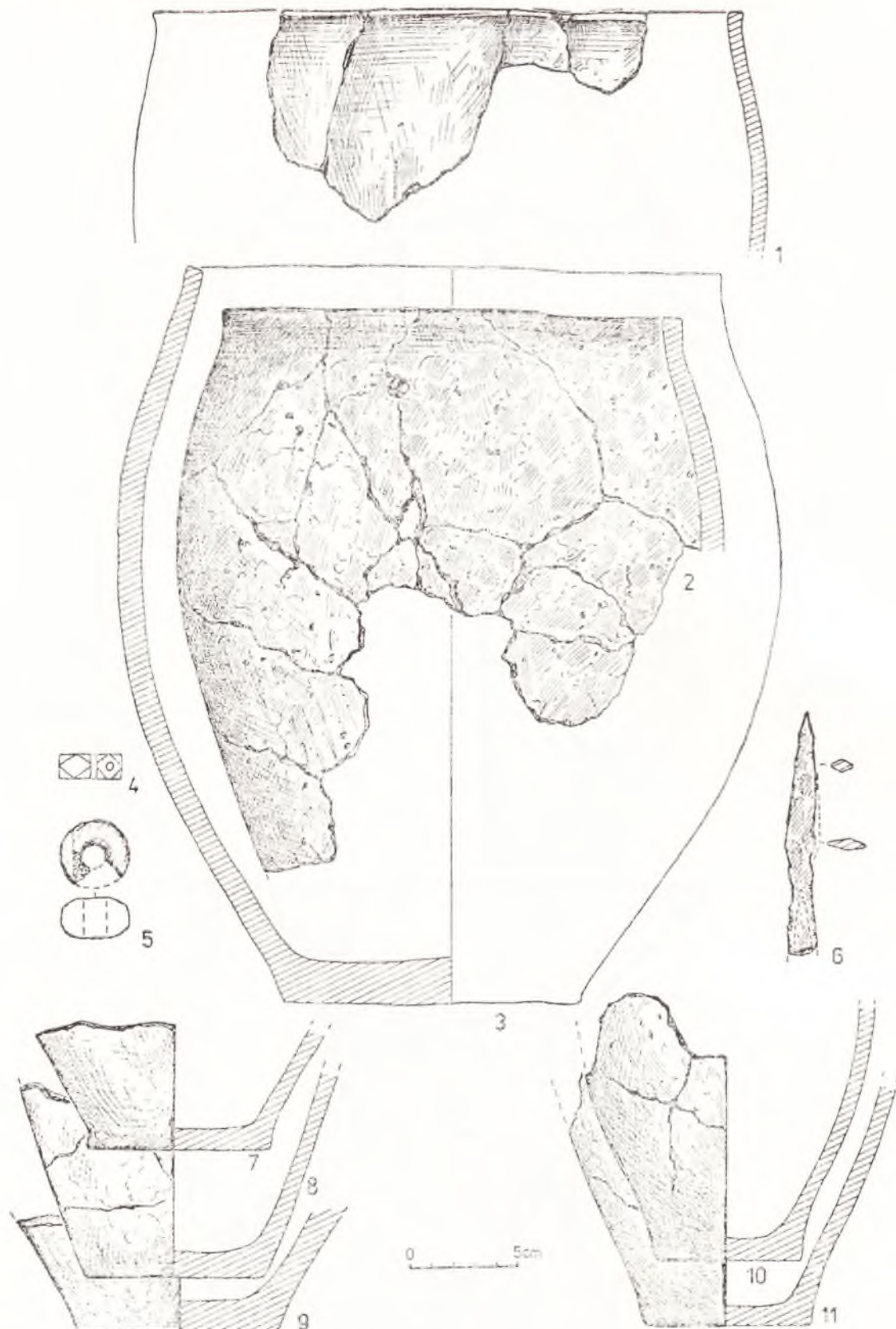

Табл. III. Остров, уроч. Марфинец. Находки из жилища 3. (1—3, 7—11 — керамика, 4 — стеклянная бусина, 5 — глиняное пряслице, 6 — железный дротик)

Taf. III. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfinesc. Fundstücke aus der Hütte 3. 1—3, 7—11 — Keramik, 4 — Glasperle, 5 — Spinnwirtel aus Ton, 6 — Pfeilspitze

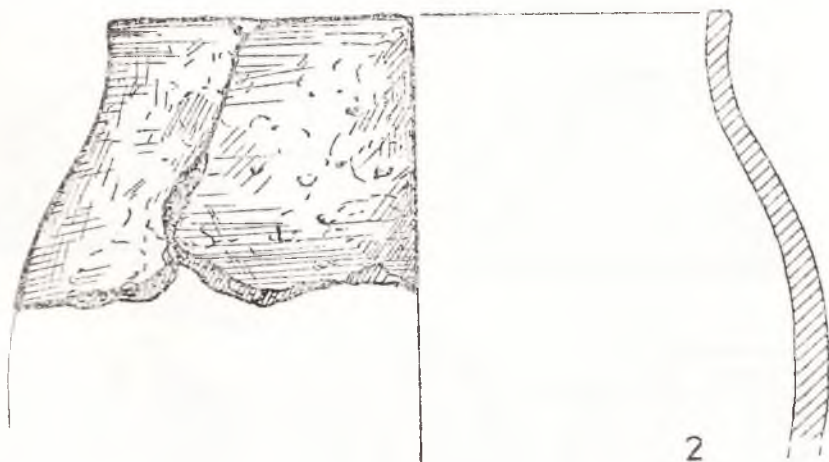
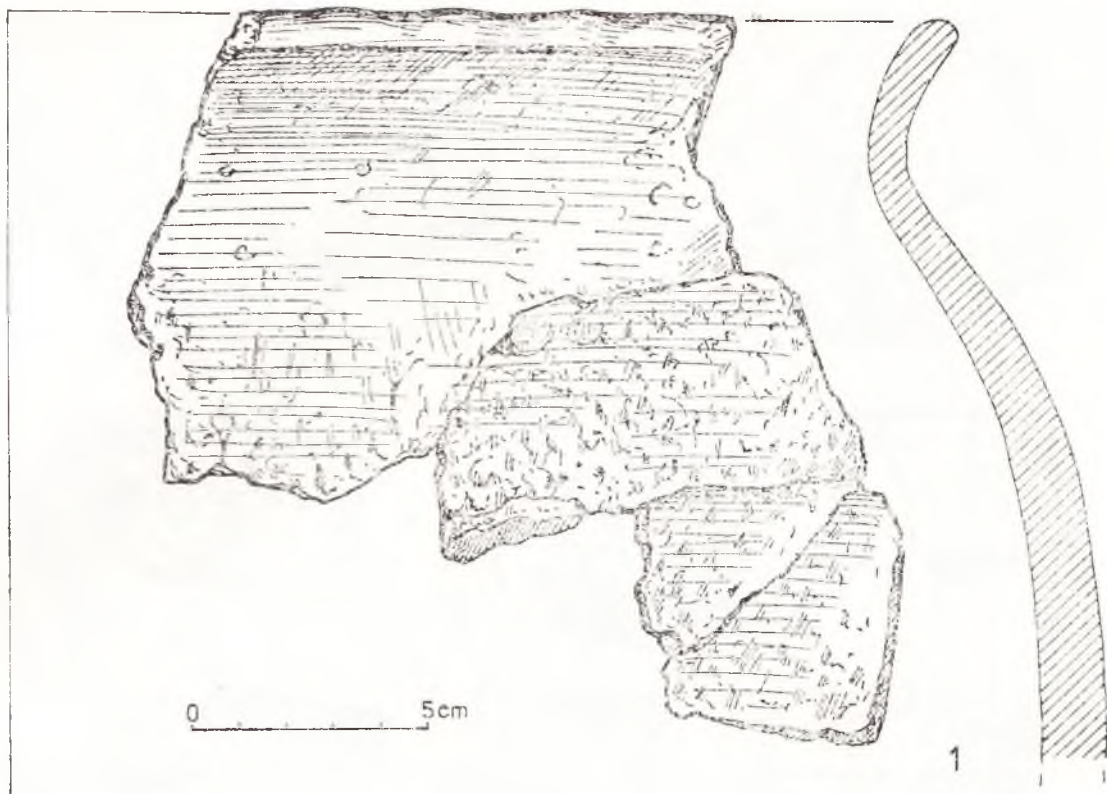

Табл. IV. Остров, уроч. Марфинец. Фрагменты глиняной посуды из раскопа
Taf. IV. Ostrov, Raj, Pinsk, FSt Marfinec. Keramikfragmente aus dem Grabungsschnitt

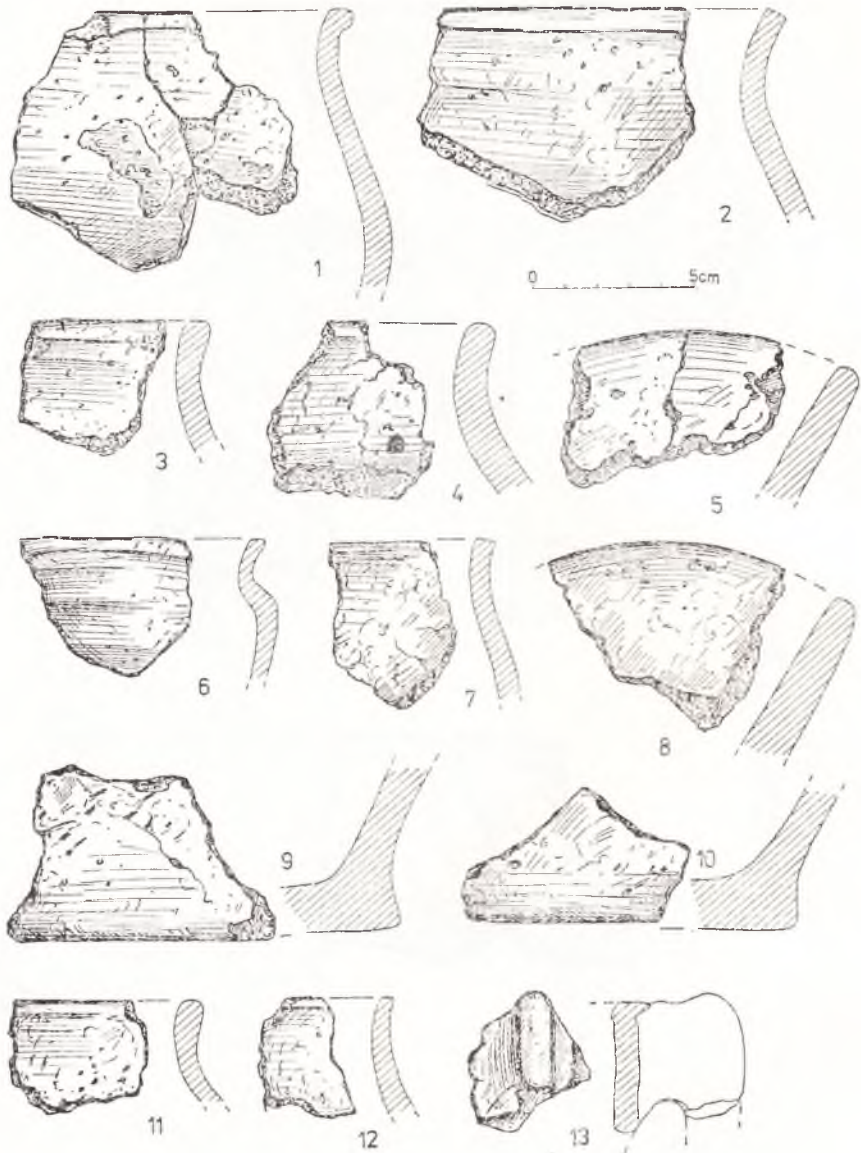

Табл. V. Остров, уроч. Марфинец. Фрагменты глиняной посуды из раскопа
 Taf. V. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfinec. Keramikfragmente aus dem Grabungsschnitt

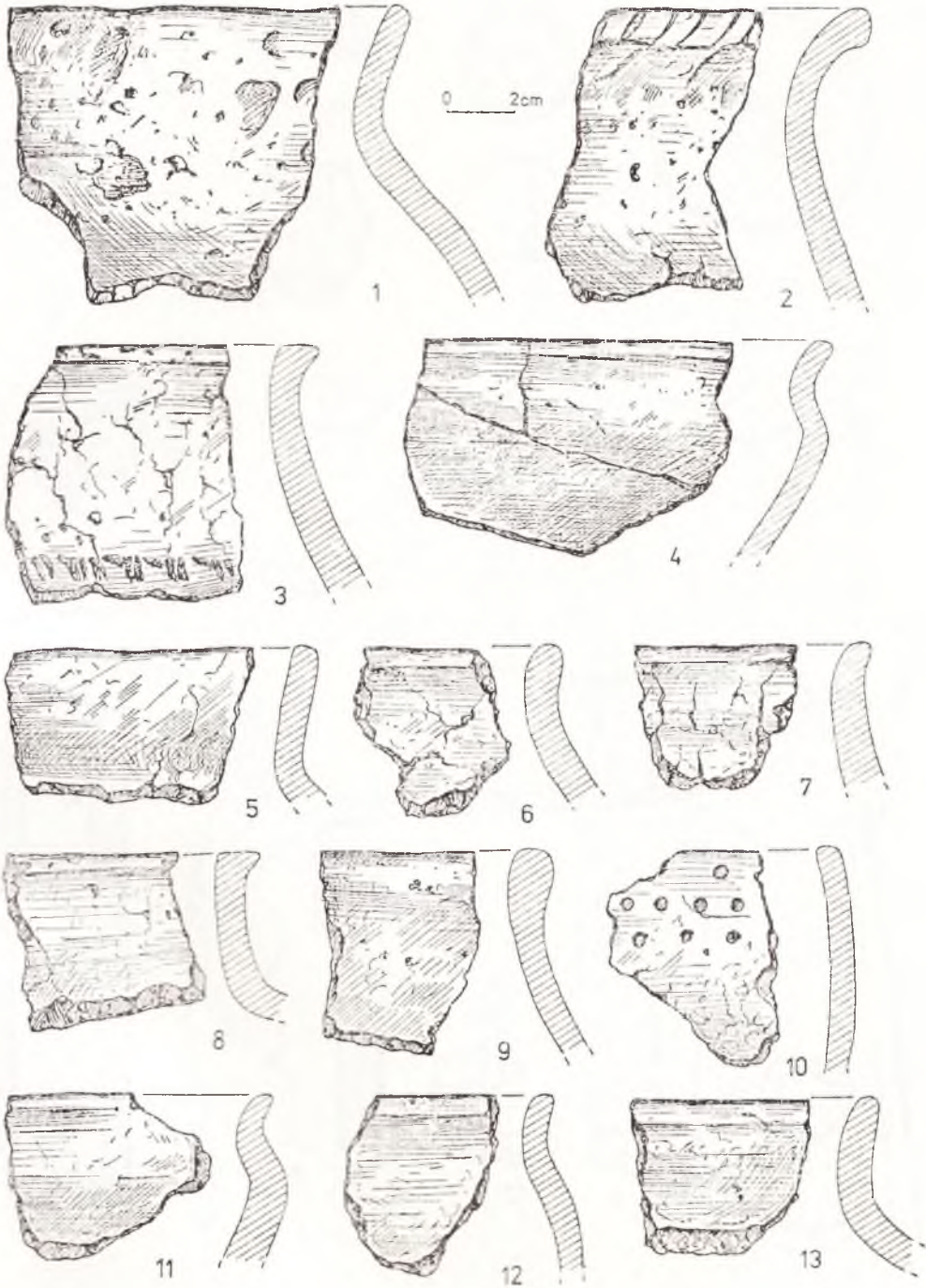

Табл. VI. Остров, уроч. Марфинец. Фрагменты глиняной посуды (подъемный материал)

Taf. VI. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfinec. Fragmente von Tongefässen (Oberflächenfunde)

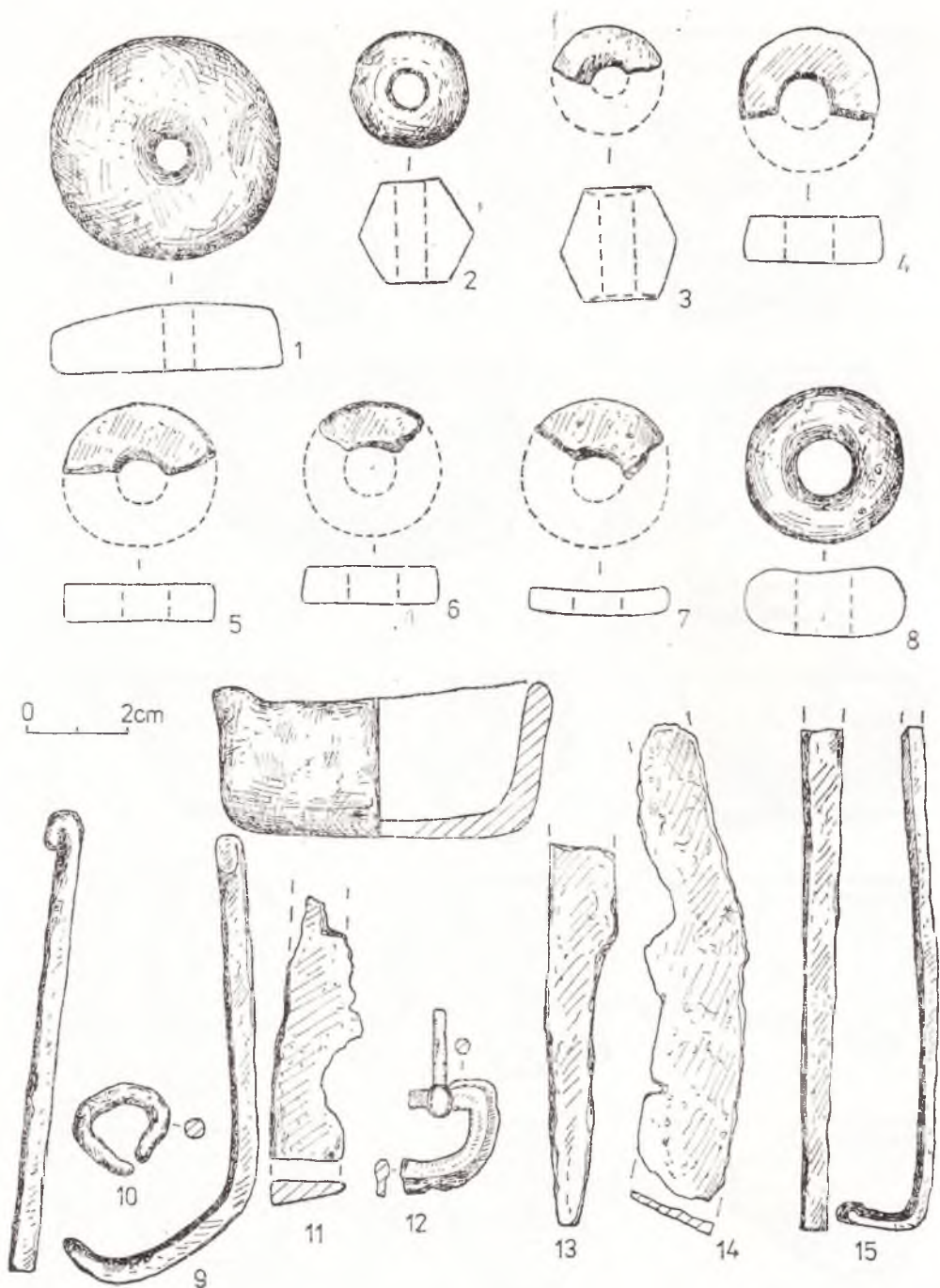

Табл. VII. Остров, уроч. Марфинец. Изделия из глины и железа (4—15 — подъемный материал, 2, 3 — жилище 2)

Taf. VII. Ostrov, Raj. Pinsk, FSt Marfinec. Erzeugnisse aus Ton und Eisen. 4—15 — Oberflächenfunde, 2, 3 — Hütte 2

Табл. VIII. Остров, уроч. Марфинец. Изделия из бронзы (подъемный материал)

Tab. VIII. Ostrov, Raj. Pinski, FSt Marfinec. Erzeugnisse aus Bronze (Oberflächenfunde)

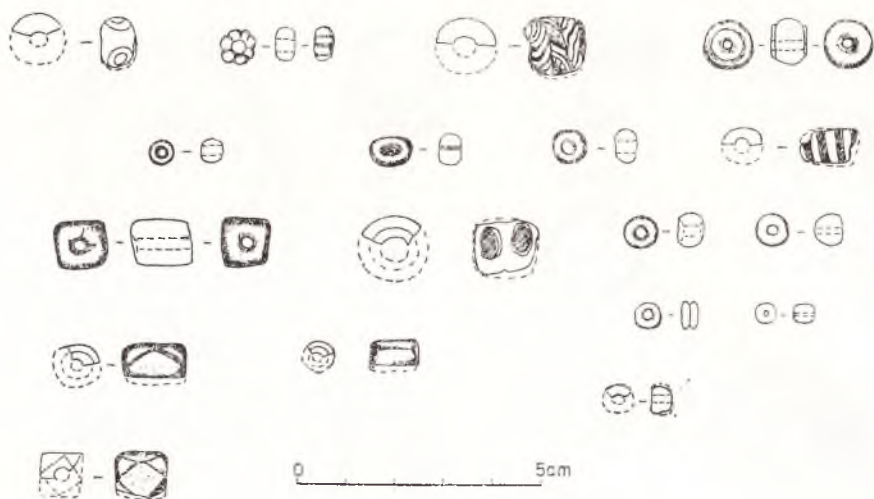

Табл. IX. Остров, уроч. Марфинец. Стекланные бусины
 Taf. IX. Ostrov, Raj. Pinsk, GSt Marfinesc. Glasperlen